

А.Ю. Антоновский

Коммуникация и понимание: возможности и разрывы. К социоэпистемологической интерпретации коммуникативных медиа в теории Никласа Лумана

В безграничном наследии Никласа Лумана чрезвычайно трудно обнаружить ключевое понятие, которое выражало бы существо всей его концепции и было способно запустить некое подобие «кантовской» дедукции прочих категорий системно-коммуникативной теории. И все-таки мы попытаемся это сделать. На наш взгляд, таковым понятием является понятие *коммуникативных медиа*.

Теория медиа распространения заимствуется Луманом из теории медиа наблюдения, сформулированной австро-американским психологом Фрицем Хайдером¹: с точки зрения нейрофизиологии мы видим и слышим предмет внутри себя в ушной мембране и на сетчатке, но переживаем его как находящийся в отдалении. Мы не испускаем манипулятивный луч, не задействуем сонар, который возвращал бы нам характеристики предмета, как это имеет место у летучих мышей и дельфинов. Следовательно, ключевую роль инструмента наблюдения принадлежит независимому *посреднику* восприятия.

Луман применяет эти соображения к теории коммуникативных медиа, выделяя среди них две группы ключевых и социально-интегративно значимых медиа.

Во-первых, речь идет о функции *распространения* коммуникации, и в первую очередь – о языке, религии и морали, предсказательных практиках, письменности, печати, кино и телевидении, компьютерах, электронных медиа. Именно благодаря этим медиа в

¹ Heider F. Ding und Medium. Berlin, 2005.

коммуникации обсуждается (= наблюдается) некоторый предмет, а все остальное, и прежде всего – сами медиа, выводятся из коммуникативного обсуждения, подобно тому, как медиа восприятия – воздух и свет – сами ускользают от их восприятия. Ключевую роль в этом обширном списке, однако следует отвести техникам *письменности* и *книгопечатанию*. Именно эти медиа позволили на время решить социально-интегративные проблемы, вытекающие из (дез)организующих возможностей медиа языка (прежде всего – из возможностей языкового отрицания, и как следствия – запрограммированных в языке конфликтного потенциала отклонений коммуникации). Однако и сами эти медиа генерировали существенные дезинтеграционные тенденции.

Во-вторых, речь идет о медиа коммуникации второго порядка (медиа коммуникативного успеха – коммуникативных мотивов достижения власти, истины, денег, любви и т. д.), во всей полноте проявляющихся лишь в современном дифференцированном обществе, когда медиа распространения первого порядка привели к ее фактическому *распадению* на свои составляющие: в современном обществе, утверждает Луман, языковое (материальное) выражение коммуникации, т. е. *сообщение*, потеряло связь с его *информационной* интерпретацией, а *понимание* коммуникации превратилось в самостоятельный процесс, не связанный с первоначальным *сообщением* и заложенными в нем интенциямм (см. ниже).

Социальная интеграция и солидарность, обеспечиваемая достижениями медиа предыдущего уровня, была поставлена под вопрос. В частности, появление огромных массивов информации, порожденных техникой книгопечатания, лишали мораль и религию убеждающей силы, поскольку разные тексты теперь получали одинаково интенсивную моральную фундированность (что вылилось в церковные схизмы, а затем и религиозные и конфессиональные войны).

Для решения проблемы и восстановления возможностей общения собственно и возникают *новые* способы коннекции коммуникативных актов – медиа коммуникативного успеха: деньги, истина, репутация, авторитет, собственность, прекрасное, вера, любовь – т. е. множество ролевых ориентиров и взаимных ролевых ожиданий, обеспечивающей соответствующие мотивации.

1. Язык как медиа социальной (дез)организации

Луман во многом опирается на Соссюра и его концепцию «произвольности» в отношении означающего и означаемого. Именно с такой «произвольностью» связана медиальная функция знака, которую можно обозначить как функцию *игнорирования* внешнемировых структур. Знак (дистинкция выражения и смысла, означающего и означаемого) выступает многократно воспроизводимой структурой или операцией, дефинитивно не нуждающейся в контакте с внешним миром. Эта структура только потому и может воспроизводиться повторно, что она не зависит от внешних раздражителей. О вещи думают и говорят в отсутствие вещи. Знаки репрезентируют смыслы, а вовсе не конкретные материальные предметы или факты. Именно через процесс такого игнорирования тотальности окружающего пространства возникает мир, к которому можно обращаться *и во времени*: т. е. *после* значительных перерывов и *перед* тем, как этот мир получил фактическую реализацию, т. е. – и самое удивительное – в его отсутствие в окружающем пространстве.

Благодаря тому, что означающее указывает на означаемое, язык получает свободу от конкретных и ситуативных восприятий, которые – в виду особенности восприятия – всегда остаются полностью определенными: визуальная картина такова, какова она есть и дана *одновременно* во всей своей полноте; ощущение красного может быть только красным. Восприятие указывает на себя и исключительно в момент восприятия, причем не может быть ошибочным, но неизменно равно самому себе. Напротив, языковые выражения выходят за пределы моментальной и актуальной ситуации восприятия и указывают на свои смыслы и другие выражения безотносительно к тому, что происходит и ощущается в данный момент. Система языковой коммуникации способна замыкаться благодаря оптимизации времени (в особенности – игнорированию текущего момента) и следовательно – сосредоточиваться и реагировать не на все вокруг, а на чрезвычайно ограниченные предметы интереса, преимущественно же на то, о чем *уже* в той или иной форме говорилось ранее и на то, что *еще* только будет обсуждаться.

В отличие от преимущественно *пространственной* интеграции средствами *оптического* восприятия, язык задействует *акустические* ресурсы, предполагающие *временную* организацию

коммуникативных вкладов: люди видят всех и сразу, а говорить и слушать приходится *по очереди*. Именно последовательный порядок высказываний делает возможным большую свободу, неопределенность и незапрограммированность того, что будет сказано дальше. Создается некоторый вторичный мир проговоренного, определяемый временем и допускающий ошибки, который словно накладывается на не допускающий ошибок пространственный мир визуально-воспринятого и подвергает риску любой консенсус.

2. Письменность и разрушение пространственно-временного и личностно-коллективного единства коммуникаций

Устный язык исключал из коммуникации то, что в коммуникации было забыто, а следовательно, делал коммуникацию чрезвычайно нестабильной. Не было возможностей «отложить» некоторую тему на потом, «забыть на время», чтобы впоследствии, когда возникнет необходимость или возможность, к этому вернуться. Коммуникация примитивных обществ обеспечивалась незначительными, психически и индивидуально ограниченными памятьями небольшого коллектива и не могла осовременивать прошлое, задействовать некоторые гарантии ее стабильного протекания – тексты, законы, записанные правила поведения, письменные мироописания.

В общении устно коммуницирующих сообществ ключевая роль принадлежала факту самого сообщения (означающему). Смысл сообщения заключался в поддержании общения, а новое, неизвестное и неожиданное (информативная составляющая общения) минимизировалось².

² Это обстоятельство собственно и имелось ввиду Р.Мертонем в его концепции латентных и явных функций: *Merton R.K. Manifest and Latent Functions // Social Theory and Social Structure. Free Press, 1957.* Само общение оказывается важнее содержательной стороны общения, ведь оно способно нести интеграционную функцию и как раз в силу того, что факт сообщения не может быть оспорен и, как минимум в этом, уже подразумевает согласие. Напротив, смысл или информация, вкладываемые в сообщения, скорее, разъединяют, поскольку оказываются недоступными для проверки, замкнутыми в границах индивидуальных сознаний.

Эта приоритетность сообщения перед информацией доказала как свою успешность, так и эволюционную ограниченность, ведь она не позволяла рождаться длинным цепочкам высказываний ориентированных предметно, а не социально. Эта ограниченность обсуждения и общения конкретным временем устной беседы препятствовала появлению собственной динамики обсуждения, определяемого его *предметом*. Требовался механизм разведения социально обусловленного времени обсуждения (фактически представавшим, пусть и латентным, *самообсуждением* некоторого сообщества) и предметно обусловленного времени, необходимого для более или менее обстоятельного обсуждения (впоследствии, описания) данного предмета. Предмет должен был допускать независимые высказывания о нем, которые могли бы сравниваться некоторым наблюдателем на предмет их адекватности предмету и согласованности или противоположности друг с другом. Требовался медиум наблюдения над мнениями наблюдателей, в качестве какой и выступила *письменная фиксация сообщений*.

Медиумом *десоциализации общения* стала письменность. Незначительных ресурсов устного языка было достаточно лишь для сакрализации, т. е. остановки вопрошания о запредельном. В противовес этому письменный язык делает возможным само *различение* того, что *есть*, и того, что *за этим кроется*, поскольку лишь письменная фиксация делает возможным наглядное представление самого языка в языке, а следовательно – делает возможным осуществлять такое базовое различение как различение слов и вещей, а впоследствии и благодаря этому – и так называемых сущностей и явлений.

Письмо выводит общение за пределы конкретного пространства-времени и особенностей (и давления) социального окружения. Выводимая из письменного сообщения информация теряет связь с локальными ситуативными детерминантами. Становится возможной презентация в коммуникации того, что отсутствует в данном пространстве и времени, презентация чуждых образцов поведения, толерантное отношение к Другому, и операционализация ресурсов, которые приносит Другой³.

³ Луман здесь близок другому немецкому социологу, работающему с «формами» или «медиа», а именно – Георгу Зиммелю.

Однако, как и всякая техника, решая одну задачу, письменность создает новые проблемы, требующие привлечения новых технологий (прежде всего, технологий обеспечения коммуникативного успеха – властных, монетарных, интимных и иных типов мотивации коммуникации).

3. Трансформация коммуникативного смысла в социальном, временном и предметном измерении

Итак, письменность ведет к забвению и нейтрализации контекста – как контекста создания письменно фиксированных смыслов, так и контекста, в котором осуществляется чтение. Поскольку текст требует сосредоточения на себе самом, должен обеспечить мотивацию и пробудить интерес к собственному содержанию, предмету описания, у участников письменной коммуникации не остается времени и интереса к конкретным мотивам порождения текста⁴. Даже несмотря на наличие авторства, текст дефинитивно *безличен*, в том смысле, что обнаружение другого (подлинного) авторства ничего не привнесло бы в те способы, каким текст вовлекает и привязывает к себе читателя. Очевидно связанные между собой *безличность* текста и отсутствие интереса к мотивам его производства (*прошлым* условиям, генеративный контекст) указывают на трансформации в социальном и временном измерениях коммуникации. Равным образом можно говорить и о сопряжении изменений во временном и предметном измерениях: о некотором, в себе (т. е. с точки зрения формы выражения или сообщения), *идентичном*⁵ тексте можно формировать *различные* мнения, а следовательно – приходится сдерживать *немедленные реакции*. Письменность, по самой своей природе, делает возможным *откладывание* – свободное от давления со стороны непосредственных участников коммуникации – понимания на потом, понимания, которое может осуществляться когда-то и где-то в другом месте кем-то другим.

⁴ «Кто будет спрашивать, почему Фома Аквинский написал свои “Суммы”, и какой прок в знании этого?» – задается вопросом Н.Луман (*Луман Н.* Медиа коммуникации. М., 2005).

⁵ Идентичность текста, его предметную определенность в предметном измерении общения, которую не смогли поколебать ни письменность, ни печать, разлагают электронные технологии распространения коммуникации (см. ниже).

Мультипликационная природа письма необъятно расширяет число возможных прочтений. Чтобы сохранить понятность, и главное информативность (новизну и неожиданность), предлагаемого содержания для самых разных контекстов прочтений (определяемых принадлежностью к различным социальным стратам, полученным образованием, профессиональной, конфессиональной принадлежностью, половозрастными характеристиками и психологическими предпочтениями), объем информации каждого письменного сообщения приходится минимизировать, убирая все предположительно известное, но компенсировать это сжатие беспрестанным предложением новой информации. Эту задачу подпитывания новизной берут на себя специализирующиеся на этом системы коммуникаций, а именно – масс-медиа.

Таким образом, в использовании письменности общество *отказывается от временной и интеракционной гарантии единства коммуникативной операции*. Единство общения уже не определяется конкретным пространством-временем и принуждением говорить приятные вещи.

Основным следствием появления фонетического письма явилось преодоление пространственно-временной и лично-коллективной структуры традиционного общества, основанного на одновременности и фактической неразличимости *сообщения, информации и понимания*, и вытекающего из этого словно автоматического взаимоконтроля пространственно объединенных участников сообщества. Успех устной коммуникации определялся указанными контекстами и обеспечивался автоматически. Успех письменного сообщения зависит отныне от его настроенности на пространственно-временные и личностные *дистанции*, на *неизвестные* интерес и мотивы будущих и далеких читателей. Уменьшение влияния устных медиа переориентировал коммуникацию с полюса сообщения (участия) на полюс информации о ранее неизвестном.

Мир, многократно обогащенный и мультиплицированный письменностью, словно выходит в своих пространственно-временных структурах за пределы локальных коммуникаций, обеспечиваемых ею возможностей предметно обсуждать реалии внешней среды. Мир (как бытие, как природа, теперь наблюдаемый сколько-нибудь адекватно лишь всеприсутствующим богом-

наблюдателем) больше не укладывается в сообщение. И именно поэтому этот мир – необъятно расширившийся в своих письменных презентациях – допускает неожиданности и удивительные вещи (информацию). Поскольку же он в этом смысле перестает быть «одновременным» коммуникации, то сама коммуникация вынуждена «растягиваться», чтобы в предлагаемых ею информациях хоть как-то соответствовать обсуждаемому в ней сверхсложному миру. Этому «растяжению» коммуникации служило вынесение ее завершающей стадии, *понимания*, в некоторое отдаленное, до конца не определенное время – будущее. Коммуникация теряет свое *единство*, теряет свою определенность с точки зрения участвующих лиц (читателя и писателя), времени и пространства этой коммуникации. Единственная определенность сохраняется отныне лишь в ее *предмете*, в той *информации*, которую выражает письменное сообщение, а лица и времена теряют всякое значение.

4. Электронные медиа коммуникации и восстановление древней интересубъективности через нейтрализацию письменности и печати

В современном функционально-дифференцированном обществе понимание становится проблемой. Сообщение и информация расцепляются в пространстве и времени. Письменность и печать не решали, а создавали интегративные проблемы, ведь все то, что было призвано служить в качестве медиа распространения коммуникации (печатные деньги, памфлеты, законы) и интегрировать то или иное сообщество, на деле затрудняло над-функциональное общение и понимание, если не делало его избыточным.

Вопреки распространенному убеждению электронная телекоммуникация не перевернула, не виртуализировала жизненный мир, а скорее вернула его в нормальное русло, вернула утраченные пространственно-временные координации между посылаемыми телесообщениями и их фактическими – наблюдаемыми в пространстве и времени – прототипами: ведь все, что мы слышим по радио и смотрим по телевидению, действительно говорилось, действительно происходило. Конечно, то, *о чем* говорилось, может оказаться и фальсификатом! Но разве это вытекает из специфики

самой техники электрической телекоммуникации? Мы видим живых, коммуницирующих людей, природу и артефакты, и с этими гарантиями фактичности телесообщений никто не спорит.

Письменность и печать, в согласии со своей медиальной функцией, разрывали живую координацию и связь общения. Не существовало гарантий того, что то, что говорится в книгах, действительно говорилось! Письменные социотехнологии уничтожили важнейшую предпосылку коммуникации: можно сомневаться в смысле сказанного, можно сомневаться в том, что интенции высказывающегося соответствуют заявленным, можно сомневаться и в том, что высказывающий хотел сказать, то что сказал, однако нельзя сомневаться в одном: в том, что сказанное было действительно сказано.

Другими словами: если *информация* коммуникативного общения всегда составляла проблемный полюс коммуникации, то собственно *сообщение* (знак, означающее, «носитель» смысла) коммуникативно представленной информации оставалось ее незыблемым и непроблематичным фундаментом. Сообщение – в уже давно забытом, бесписьменном прошлом, а ныне в личном интерактивном общении – и составляло фундамент социума, общий ориентир для поведения, в котором невозможно сомневаться. Мы так долго живем в письменном обществе, что во многом забыли о том рискованном отрыве от реальности, который возникает вместе с книгами⁶.

Медиа электронной телекоммуникации послужили механизмами нейтрализации опасности письменных презентаций⁷ реальности.

⁶ Разве не книги создали «монстров» – комплексы свойств, несовместимых в реальности, но вполне согласующихся в виде письменных описаний? См. главу «Чудовища» в книге: *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века / Пер. Е.Лебедевой. М., 2008.

⁷ Опасность письменных и печатных технологий стала очевидна, начиная с эпохи реформации и продолжилось в ходе великой английской революции: памфлеты, листовки, манифесты – все разрушало стабильность средневекового космоса. Механизмы, стабилизирующие опасность письменно-печатной коммуникации появляются лишь в конце IX в., с появлением средств «обратной» связи и возвращением живых реально-коммуницирующих людей. Живой голос по радио стал мощным конкурентным описанием безличных газетных конструкций и в форме «свободных голосов» внедрял альтернативные ценности в тоталитарных системах. Однако нельзя утверждать, что явлений «возвращения к реальности» сообщения как средства нейтрализации письменно-печатной опасности не делалось ранее. Й.Хабермас пишет о интеллектуальных салонах

5. Электронная телекоммуникация – возвращение утраченного единства и его новое расщепление

Новые – основанные на электричестве – медиа распространения коммуникации полностью сохраняют прежнюю телекоммуникационную функцию – *транслируют знаки вместо физических тел коммуникантов*. Благодаря новым медиа пространственные и временные коммуникативные ограничения окончательно сходят на нет: окончательно расщепляются в пространстве и времени процессы *сообщения* и *принятия* (либо отклонения) коммуникации. Отныне (в особенности благодаря электронной почте) время коммуникации (как со стороны отправителя, так и адресата) выбирается *произвольно*. Это высвобождает общение из-под давления актуальной необходимости отвечать *согласием или отклонением здесь и сейчас*. Благодаря этому, собственно, и возникает *время* на дополнительное обдумывание, на осмысление предложенной коммуникации, что является фундаментальным условием рациональности, требующей снятия спонтанных (квази-условно-рефлекторных) реакций на то или иное событие.

6. Пространственно-временные гарантии реальности через симбиоз акустики и оптики

Оптические (письмо) и акустические (устный язык) последовательности выражений, живая связь фактического восприятия и живой речи, благодаря письменности были разделены в пространстве и времени. Однако благодаря кино и телевидению мульт-

эпохи Просвещения как интерактивных формах гражданского общества, где семантика текстов, если можно так сказать, проходила интерактивный контроль. См.: *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Suhrkamp, 1962*. В наши дни парадными примерами такого рода технологией являются технологии академических семинаров, конференций, «интерактивные по своей природе» защиты диссертации, ученые советы, принимающие решения о публикации. Научный текст словно «возвращается» в интерактивное пространство, и ориентируясь на это, вынуждено утрачивает столь характерную для него монстрообразность. Все мы знаем, что профессора, читающие лекции, и пишут гораздо понятнее.

типикация реальностей, порожденная письменностью оптико-акустическая расцепленность получает новые гарантии единства и стабильности. Кроме того, восстанавливаются и те гарантии реальности, которые были уничтожены – базирующееся на языке способности отрицать все, что может быть произнесено.

Кино-телевизионная реальность, синхронизация оптически-доступного образа и произносимого текста уже не допускает своего отрицания или отклонения. В отличие от письменности и печати, допускающих относительно произвольные, в том числе невероятные комбинации известных (и неизвестных) реалий и образов, медиа кино и телевидения репрезентируют то, что *действительно* происходит во время съемки. Кино-телекоммуникация возвращает обществу ее – характерную для далекого прошлого – зависимость от реального, физического времени. И хотя эта зависимость телевизионной коммуникации от «орального» общения, от событий, имевших место в реальном времени и пространстве, тотчас нейтрализуется комбинаторными техниками *монтажа*, все-таки число возможных комбинаций существенно сокращается в сравнении с письменно-литературным «фиктивным» представлением реальности. Но как объяснить этот ренесанс примитивных форм устной интеракции? *Каковы функции* телевизионного возвращения к реальному времени?

Фундаментальной «позитивной» функцией новых медиа становится функция *доверия*, которое вызывают телевизионные образы как некоторый противовес недоверию, порождаемому печатью. При этом возможности телеманипуляции практически не могут приниматься во внимание, ведь их рефлексия и фиксация возможна лишь после просмотра, а значит – после фактического принятия предложенной кино- и телекоммуникации. Реальный (не транслируемый) мир, конечно, предстает довольно бедным в сравнении с изысканностью (кухни, одежды, хорошей погоды, лиц и поступков), но именно благодаря телекоммуникации он получает ориентиры для своего совершенствования». *Виртуальная реальность определяет и обогащает реальность реальную.* Встает вопрос, какую цену приходится платить за вышеозначенную «позитивную» функцию. Не связана ли эта «реакция нейтрализации» письменности и печати с «ухудшением» качества человеческого общения?

7. Следствия телекоммуникации: элиминация коммуникативных функций – информация/сообщения, бинарного кодирования, воображения и убеждения, взаимного влияния коммуницирующих сторон

– Элиминация информации в сообщении: мы не знаем, какую информацию мы получаем

Ключевой коммуникативной функцией языка являлось выделение в сообщении некой отличной от этого сообщения информации и вытекающее из этой дистинкции возможность отклонения (отрицания) предложенной коммуникации. Собственно, вся дотелевизионная коммуникация строилась на постановке, непрерывной переработке, уточнении и взаимопереходах двух вопросов: *что* именно и *почему* именно мне ты это говоришь? Понимание и было согласованием ответов на информационно-значимое «о чем?» и мотивационно-значимое «зачем?» и такая согласованность или несогласованность обуславливало консенсус или диссенс. Именно способность дотелевизионной коммуникации отклонять коммуникацию, хотя и создавала известные риски, но позволяла создавать все новые и новые формы общения, виды деятельности и продукции. Телевизионная (а впоследствии и особенно – социально-сетевая) коммуникация существенно устраняет *риски отклонения* коммуникации, за что естественным образом приходится расплачиваться и утратой способности различать сообщение и информацию – т. е. *понимать* предложенную телевидением коммуникацию.

Мы, по видимости, понимаем *сообщения общающихся* телефигур, но дефинитивно лишены возможности заключить об их латентных мотивациях, о том, зачем сегодня вечером по первой программе нам была предложена именно эта, а никакая иная коммуникация. Реципиент телекоммуникации не в состоянии контролировать встроенность предложенного ему коммуникативного акта в некоторый *контекст*, известный режиссеру или заказчику телепрограммы.

– Элиминация бинарного кодирования

Базирующееся на языке *да/нет-кодирование* любой предложенной коммуникации в телевизионном общении утрачивает свою алгоритмичность. Агрессивность, опасность, дискомфорт или не-

привычность транслируемой сцены более не служит мотивацией избегания такого рода коммуникации и применения дистинкции *принятия/отклонения*. Сами основания отклонения становятся предельно непрозрачными. Телекоммуникацию отныне невозможно не только понять (т. е. сопоставить ее информационную и мотивационную семантику), ее нельзя и отклонить: то, что требует отклонения, требует первоначального просмотра. И для выработки четких критериев «негативной позиции» к трансляции последнюю приходится анализировать (а значит, в каком-то смысле *принимать*) тем более тщательно. Понимание и отклонение утрачивают согласованность.

**– Элиминация коннективных ресурсов коммуникации –
убеждения и воображения**

Конструирование информации из сообщения и их различение, очевидно, требуют для себя творческого акта, силы воображения, способного усматривать в сообщении нечто, в нем непосредственно не содержащееся, способного комбинировать – разводить знаки и смыслы, придавать одним и тем же знакам разные смыслы (генерализировать), а одни и те же смыслы выражать в разных знаках (специфицировать). И эта активность по различению означающего и означаемого, безусловно, предполагает временное отключения непосредственного восприятия. Однако аудио-визуальное восприятие телевизионной картинки настолько интенсивно ангажирует все ресурсы внимания, что воображению просто недостает времени на знаково-смысловую переработку аудиовизуального материала. Эта способность телекоммуникации предельно интенсифицировать восприятие реципиента в ущерб аналитическим ресурсам воображения делает избыточным коммуникативное убеждение в том, чтобы принять (или отклонить) ту или иную коммуникацию.

**– Элиминация внутренней коннективности
коммуникативных актов**

Подсоединение сообщений друг другу в дотелевизионной коммуникации осуществлялось селективно, в том смысле, что каждый из участников осуществлял собственный отбор сооб-

щений, интерпретаций, атрибуций смыслов, намерений, установок, ориентируясь на отбор, ранее осуществленный Другим. Коннективность коммуникативных актов носила внутренний характер, т. е. коммуникация включала активность обоих коммуникантов. Так, учитель в своей коммуникации подстраивается под свойства ученика, с тем, чтобы, тем не менее, воздействовать на его активность и предпочтения. Эту внутреннюю коннективность коммуникативных вкладов Эго и Альтера разрывает телекоммуникация. Отныне селекция коммуникативных актов осуществляется отправителем и получателем сообщений *независимо* друг от друга. Речь идет о независимых селекциях отправителя (собственный отбор сюжетов, инсценировок, но прежде всего – длительности и времени трансляции) и реципиента (смотреть или не смотреть, когда и как долго смотреть передачу). Утрата этой внутренней коннекции приводит к тому, что коммуникация утрачивает и возможности самокоррекции, возможности неслучайного взаимоконтролируемого развертывания коммуникаций в устойчивые и воспроизводимые последовательности.

8. Преодоление дисфункций образной телекоммуникации через медиа социальных сетей

Осуществленный в телекоммуникации *симбиоз оптики и акустики* вернул коммуникацию в «реальный» пространственно-временной мир устного общения. Однако вышеозначенные дисфункции, в свою очередь, требовали преодоления в рамках иных медиа распространения коммуникации. Новые медиа коммуникации получили название «социальных сетей». Никлас Луман не анализирует детально это сравнительно новое явление, но мы можем и самостоятельно продолжить линию размышлений, вытекающей из теории коммуникативных медиа.

В заключение приведем несколько рабочих гипотез, которые, возможно, помогут объяснить некоторые функции и дисфункции сетевого общения.

Первое, что бросается в глаза и что служит ее основным оправданием, связано с привносимой этим типом общения окончательной элиминацией *риска отклонения* предлагаемых комму-

никативных актов – риска, связанного с древней языковой способностью осуществлять отрицание всего, что может быть сказано в языке (бинарность языковых актов). Всем известно, насколько обременяло коммуникацию трудности порождения первого акта – завязки коммуникации. Это было связано с ее фундаментальным темпоральным свойством: каждый коммуникативный акт должен встраиваться в историю прошлых коммуникаций. Сетевая коммуникация устранила этот риск отклонения, которое переживается отныне как вполне естественное и понятное.

Во-вторых, сетевая коммуникация безусловно преодолевает те (оральные) рецидивы, которые привносила коммуникация телевизионных образов, и возвращает утраченную в телекоммуникации внутреннюю коннективность (в форме т. н. интерактивности) коммуникативных актов.

Но и сетевое общение, как видно, не является его совершенной формой, и в качестве ключевой дисфункциональной характеристики социальных сетей приходится признавать окончательный *разрыв* единства коммуникации во всех ее измерениях: пространственно-предметном, социальном и временном. Сообщение и понимание теперь фактически никак не связаны друг с другом. Отправитель сообщения в социальной сети не способен даже догадываться и никак не ориентирован на то, *кто* прочтет его сообщение, прочтут ли его вообще, *что* именно из этого сообщения будет отобрано в качестве информации, когда это сообщение будет прочитано и в какой точке мирового пространства это сообщение будет реципировано. Реципиент, в свою очередь, не может знать и не ориентирован на то, отправлено ли сообщение именно ему или кому-то другому, что именно в этом сообщении является информацией, ведь оно может быть тривиальным выражением некоторого ментального состояния (т. н. «статус»), не задуманное в качестве сообщения и не сопровождаемое некоторой установкой или интенцией. Неизвестность и необязательность закладывания интенции, предположение о котором вкупе с «объективным» смыслом сообщения, должно в традиционной коммуникации привести к некоторому пониманию, т. е. рефлексии связи «латентного намерения» и «открытого смысла», приводят к тому, что в социальном измерении понимание перестает быть связано с перспективой отклонения коммуникации (элиминация риска отклонения).

Письменность привела к расцеплению ключевых элементов коммуникации (сообщения и понимания) в социальном и пространственно-временном измерениях. Единственное, что еще как-то связывало сообщение и его понимание в некоторое единство, – это собственно *предмет* обсуждения (но уже не культурно-языковая общность, не общая эпоха и общее место такого обсуждения). *Социальные сети сводят на нет это последнее основание коммуникативного единства. Предметность обсуждения размывается, а говорить об одном и том же превращается в моветон.*